

БОРИС
СОКОЛОВ

Николай Тихонов: военная биография, превращенная в фаустиану

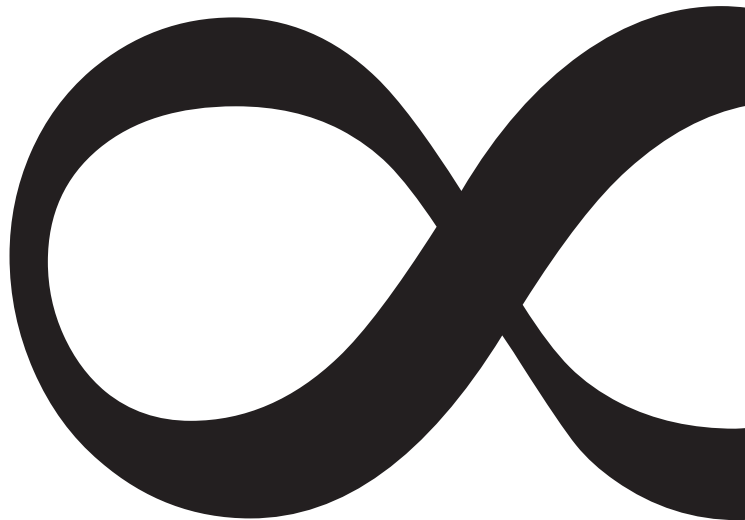

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

В статье «Соцреалист по стане белых воинов?», опубликованной в 2022 году в «Неприкосновенном запасе»¹, я остановился на биографии классика советской литературы Николая Тихонова, выдвинув предположение, что часть гражданской войны он провел в рядах белых. С тех пор мне удалось обнаружить журналы боевых действий 20-го драгунского Финляндского полка, в котором Тихонов служил в 1917 году, а также 10-го Сибирского стрелкового полка, разоружение которого финляндскими драгунами стало основой сюжета написанной почти в то же самое время тихоновской повести «Старатели». Эти документы помогли пролить дополнительный свет на биографию Тихонова в годы Первой мировой войны, а также по-новому увидеть, как в «Старателях» и рассказе «Чудо» реальные участники войны и революции становятся литературными героями произведений, которые можно отнести к категории «фаустианские». Нижеследующий текст не претендует на концептуальный литературоведческий

1 Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 5(145). С. 30–66. В настоящей статье – для связности повествования – мы вынуждены повторить некоторые факты и рассуждения из публикации 2022 года, но исключительно кратко и выборочно. В каком-то смысле данный текст есть развернутое дополнение к той статье.

CASE
STUDY 2

охват; скорее он представляет собой подробный комментарий историка к дальнейшей филологической рефлексии.

14 августа 1917 года в журнале военных действий 20-го драгунского Финляндского полка было записано:

«Получен приказ: полку с рассветом 15-го выступить в распоряжение начальника 3-й Сибирской стрелковой дивизии для расформирования 10-го Сибирского стрелкового полка. К вечеру № 3 и № 4 эскадроны заменены на побережье эскадронами полка О.К.Ш».

15 августа в журнале описано, как этот приказ был исполнен:

«3 эскадрона вошли в состав отряда командира полка полковника князя Гагарина (учебные команды 9 и 12 полков, батарея О.А.Д., 2 броневых автомобиля и 3 эскадрона). В 6 час. у Кирже с. Киш сосредоточены 2 учебные команды и № 1 эскадрон.

В 6 1/2 часа № 2 эскадрон с броневиком у перекрестка дорог юго-западнее Каупнека. В 6 1/2 час № 4 эскадрон у местечка Тренч.

В 7 час. отрядом охвачено расположение № 1 и № 3 батальонов в местечке Каупенек. Батальоны расформированы. К 9 час. 30 м. расформирование закончено, зачинщики, № 3 эскадрон в распоряжение полковника Зевакина расформируются 2 батальон того же полка.

От № 4 эскадрона взвод охраняет арестованных 150 солдат для отправления в гор. Ригу к этапному коменданту, № 4 эскадрон сопровождает арестованных в гор. Ригу, полк в 12 час. 50 мин. возвратился в местечко Майорингоф»².

20 августа, когда полк по полученному 19 августа приказу перемещался из Майорингофа в мызу Линденруэ вблизи Торенсберга:

«[Около 10 час. 30 мин.] мимо полка прошло несколько партий пехотинцев 109 дивизии, бросившие винтовки, часть и без сапог. Некоторые заявляли: “Слава Богу, уходим домой”. Усилиями офицеров и драгун некоторых удалось погнать обратно в окопы»³.

А вот как события, связанные с расформированием, отразились в журнале военных действий 10-го Сибирского стрелкового полка:

«14 августа состоялось собрание полкового и ротных комитетов, на котором обсуждалось требование товарища Минца: “К 4 ч. 15 августа 18 требуемых лиц должны быть в штабе дивизии, в противном случае последует расформирование”. После долгих и горячих прений была вынесена рекомендация “принятия” 13 голосами при 3-х воздержавшихся и 7-ми против, о высылке требуемых лиц.

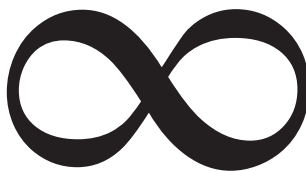
2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3572 (20-й драгунский Финляндский полк). Оп. 1. Д. 408. Л. 10–11.

3 Там же. Л. 13.

БОРИС СОКОЛОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:

ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

15 августа. К назначенному часу (4 ч.) требуемые комиссаром 18 человек не были доставлены в штаб дивизии. К 7 часам полк уже был оцеплен кавалерийскими полками, на дороге стояли бронированные автомобили – приняты были все меры для расформирования полка. Вид броневиков и кавалеристов заставил полковой комитет исключить высылаемых людей. Многие отправились добровольно. 8 рота отказалась выдать главного дезорганизатора Пушкаренко. Не выдала и после категорического приказа товарища Минца. После этого тов. Минц приказал 8 роте выдать оружие, и они, как и арестованные 18 человек, были под сильным конвоем отправлены в Ригу.

Во время следования кавалеристов через расположение полка они подверглись всевозможным оскорблениям со стороны пехотных солдат, не сочувствующих аресту 8 роты и 18 человек.

С вечера роты отправились на работу⁴.

В повести «Старатели» совпадают с реальностью и состав карательного отряда, и порядок его действий, и реакция разоружаемых солдат: три эскадрона финляндских драгун, броневые автомобили, артиллерийский дивизион, пехота из учебных команд. Вот только в повести расформируют *батальон*, тогда как в реальности был расформирован целый *полк*. Отступление от истины понадобилось, чтобы ввести эпизод с поездкой генерала Растягина к своим солдатам, в результате которой два батальона согласились занять оборонительные позиции. А причисление себя к гусарам, а не драгунам, о чем Тихонов неоднократно упоминал в автобиографиях, понадобилось, чтобы скрыть свое участие в усмирении взбунтовавшихся солдат-пехотинцев. Мирцев в повести – член полкового комитета 20-го драгунского полка. В автобиографии 1951 года Тихонов с гордостью отмечал, что на выборах полкового комитета семьсот гусарских сабель были подняты за него⁵. Но, по всей вероятности, на самом деле сабли были не гусарские, а драгунские.

Мирцев в повести служит в команде связи полка. Судя по тому, что он единственный из членов комитета является обладателем френча, его прототип Тихонов был офицером – начальником полковой команды связи. Обычно эту должность занимал офицер в чине прапорщика или подпоручика (корнета). Судя по повести, Мирцев в команде связи является единственным офицером. В поэме «Выра» автобиографический герой представляется комиссару Ракову телефонистом, что говорит о его принадлежности к команде связи⁶. Писать же об офицер-

4 РГВИА. Ф. 3344. Оп. 1. Д. 113. Л. 43–46.

5 Тихонов Н. С. *Автобиография* // Он же. *Избранные произведения: В 2 т.* М.; Л.: ГИХЛ, 1951. Т. 1. С. 10.

6 «Раков узнает того телефониста, / Ночного сочинителя, не нужного ему» (Он же. *Стихотворения и поэмы.* Л.: Советский писатель, 1981. С. 610).

стве автобиографического персонажа в созданной в СССР поэме было слишком рискованно.

Времени производства Тихонова в офицерский чин в документах найти не удалось. В журнале военных действий Финляндского полка 7 октября 1917 года записано: «Произведены в прапорщики подпрапорщики Шипуля, Тиханов и Семенов»⁷. В данном случае скорее всего речь идет не об описке составителя журнала, а о человеке с похожей фамилией. Тиханов – это белорусифицированная форма фамилии Тихонов. От нее также происходят белорусские фамилии Тиханович и Тихановский. Две фамилии спутать довольно трудно, поскольку у них ударение на разные слоги – Тихонов и Тиханов.

Один подпрапорщик с фамилией Тиханов точно участвовал в Первой мировой войне. Это был Яков Тиханов, из крестьян, родившийся 28 апреля 1891 года в деревне Лунгачевский остров Шахновской волости Ново-Ладожского уезда Петроградской губернии. Он был награжден «георгиями» всех четырех степеней, причем в наградных списках отмечено только его награждение Георгиевским крестом 1-й степени (№ 3078)⁸. В 1916 году он служил фельдфебелем в 1-м Финляндском стрелковом полку, но нельзя исключить, что в 1917-м он мог перевестись в 20-й драгунский Финляндский полк.

В списке офицеров 20-го драгунского полка за 1901–1917 годы, составленном его ветеранами для сборника воспоминаний «Финляндские драгуны», нет фамилии Тихонова, равно как и Тиханова⁹. Однако этот список явно неполный, по крайней мере за 1916–1917 годы. За 1917-й там нет не только Тиханова, но и произведенных вместе с ним в прапорщики Шипули и Семенова. В 1915-м в полку числятся двадцать новых офицеров (все – прапорщики и корнеты), в 1916-м – 14 (13 – прапорщики и корнеты), а в 1917-м – только 9 (8 – прапорщики и корнеты), хотя известно, что производство в офицеры было более частым в 1916 году и особенно в 1917-м по сравнению с 1915-м. Неполноте сведений можно объяснить тем, что, как мы увидим далее, почти все документы 20-го драгунского Финляндского полка по строевой части за 1916–1917 годы были утрачены в ходе отступления в феврале 1918-го.

Но то, что прапорщик Тихонов в 1917 году действительно служил в 20-м драгунском Финляндском полку, доказывается несколькими записями в полковом журнале военных действий

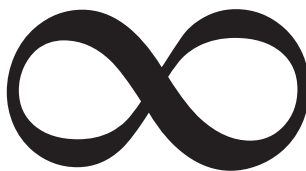
БОРИС СОКОЛОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

7 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 75.

8 Российский государственный исторический архив. Ф. 496. Оп. 3. Ед. хр. 902. Л. 44.

9 *Состав офицеров 20-го драгунского Финляндского полка // Финляндские драгуны (Воспоминания)*. Сан-Франциско, 1959. С. 4–9. Приношу свою искреннюю благодарность американскому историку Ричарду Харрисону и библиотекарю Библиотеки Конгресса США Мэтью Янгу за подготовку и отправку сканов этой публикации.

(за период с 1 августа 1917-го по 20 апреля 1918-го). 28 октября 1917 года там записано:

«В 23 ч. отдано приказание командиру № 2 эскадрона о том, что ввиду предполагаемого прибытия латышских стрелков по железной дороге командующий войсками¹⁰ приказал эскадрону быть в полной боевой готовности. Выставить на ст. Валк пост из 3-х драгун, которым приказать находиться в телефонной комнате и сообщать немедленно о выходе из Вендена воинского поезда с латышами командиру полка и командующему войсками. Выслать с первым товарным поездом одного офицера и три драгуна в Вольмар и столько же в Юрьев, которым явиться, первому комкор, а второму коменданту станции. О движении латышских частей сообщать условной телеграммой на имя командующего войсками.

Офицерам и драгунам оставаться до получения приказаний.

Получено извещение, что к утру прибудет ударный батальон и что вся 17-я дивизия переходит в Валк. № 3 и № 4 эскадронам быть в полной готовности. Командиру № 1 эскадрона приказано в 23 ч. выслать немедленно разъезд в 3 чел. с офицером на ст. Стакельн. Для вида приказано искать фураж. В случае прибытия поезда с латышами офицеру дать шифрованную телеграмму на имя командующего войсками.

Эскадрону быть в полной боевой готовности»¹¹.

Исполнение этого приказа фиксируется в записи от 4 ноября:

«4.XI. В 17 ч получено донесение от прапорщика Тихонова из Вольмара, что 300 вооруженных латышей сели в поезд и направляются в Валк»¹².

Это первое упоминание прапорщика Тихонова в сохранившихся документах полка. Поскольку задачей было как можно скорее передать по телефону или телеграфу информацию об отправке вооруженных латышей в Валк, в Вольмар скорее всего отправили начальника полковой команды связи. В более ранних журналах военных действий Финляндского полка фамилия Тихонова не встречается ни разу. Также ни разу не упоминается начальник полковой команды связи. Дело в том, что офицер, занимавший эту должность, основную часть времени находился при штабе полка и какой-то самостоятельной роли, которая могла быть отмечена в журнале, как правило, не играл. Только в кризисные дни осени 1917 года, в связи с растущим разложением армии, когда этот процесс коснулся и ранее устойчивых кавалерийских частей, а особенно после захвата

10 Новый начдив, генерал-майор князь Николай Меликов (1867–1924), в 1915–1917 годах командовавший 20-м драгунским Финляндским полком, вступил в командование 17-й кавалерийской дивизии 16 октября, также стал начальником гарнизона Валка, а 27 октября – командующим войсками Валкского района.

11 РГВИА. Ф. 3344. Оп. 1. Д. 113. Л. 84–87.

12 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 92.

власти большевиками, журнал стал вестись более подробно, с указанием командировок офицеров. Возможно, это было связано с тем, что гораздо менее аккуратно стали вестись документы по строевой части и часть соответствующей информации стали заносить в журнал.

Судя по всему, в первые дни после взятия Зимнего командование 17-й кавалерийской дивизии при поддержке оборончески настроенных полковых и дивизионных комитетов вынашивало планы похода на Петроград. Однако от них очень быстро отказались как из-за негативного отношения к этому проекту командования 12-й армии и Северного фронта, так и, главным образом, из-за стремительной большевизации войсковых комитетов и солдатских масс – и нежелания основной массы солдат даже прежде стойких кавалерийских частей воевать. 31 октября начальник штаба верховного главнокомандующего, генерал-лейтенант Николай Духонин, телеграфировал Александру Керенскому:

«Поведение латышей явно выражает стремление антигосударственного характера, причем мы имеем дело не только с бригадами, предпринявшими самовольные шаги, но и со всем населением края, враждебно настроенным к русским солдатам. По свидетельству командарма 12-й, положение катастрофическое. При наличии этой обстановки не представилось возможным выделить из армии 17-ю кавалерийскую дивизию и броневой дивизион для отправки в Гатчино»¹³.

«Латыши» – это вставшие на сторону большевиков латышские бригады, которые собирались сменить комитет и командование 20-го драгунского Финляндского полка в Валке, о выдвижении которых Тихонов вовремя успел сообщить. 5 ноября 6-й латышский полк без боя занял Валк, где также находились штаб 12-й армии и Искосол (Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии). Командование и комитет Финляндского полка остались прежними, но они больше не находились в открытой оппозиции к большевикам.

Если судить по «Старателям», то автобиографический герой повести был офицером еще до февральской революции, поскольку в полковом комитете, избранном вскоре после февраля, он единственный офицер и, следовательно, избирался от офицеров. Верховный главнокомандующий, генерал Михаил Алексеев, уже 11 марта 1917 года в телеграмме главнокомандующим фронтами предложил «стать на путь компромиссов» ради «сохранения в армии дисциплины, порядка, подчинения начальникам» и ввести офицеров в состав (созданных явочным порядком) войсковых комитетов – для сближения с сол-

БОРИС СОКОЛОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

13 *Разложение армии в 1917 году* / Сост. Н.Е. Какурин. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 163–164.

датскими массами, чтобы «взять ход событий в свои руки»¹⁴. Как правило, в состав комитетов избирались младшие офицеры в чине прапорщика, подпоручика (корнета) или поручика. Можно предположить, что Тихонов был произведен в прапорщички или в начале 1917-го, или еще в 1916 году. Возможно, он был выпущен прапорщиком из школы прапорщичков – или после ускоренного 8-месячного курса Николаевской, Тверской или Елисаветградской кавалерийских школ. Но пока не удалось найти каких-либо документов, подтверждающих службу Тихонова в полку Офицерской кавалерийской школы. Не исключено, что после школы прапорщичков или училища он служил в этом полку, а в конце 1916-го или в начале 1917 года был переведен в 20-й драгунский Финляндский полк. Но вполне вероятно также, что Тихонов всегда был в 20-м драгунском Финляндском полку, а в полку Офицерской кавалерийской школы никогда не служил, но писал обратное в автобиографиях для того, чтобы замаскировать свою службу в 20-м драгунском Финляндском полку, в рядах которого ему пришлось подавлять бунт сибирских стрелков.

Вот дальнейшие события, связанные с жизнью Тихонова и отраженные в журнале военных действий Финляндского полка. 9 ноября 1917 года там было отмечено: «Командированы в стрелковый полк корнет Романовский и прапорщик Тихонов»¹⁵. 5 декабря по Финляндскому полку было «отдано приказание о снятии погон и внешних знаков различия»¹⁶. 18 декабря Тихонов был выбран командиром 3-го эскадрона финляндских драгун¹⁷. 1 января 1918 года он вместе с другими выборными должностными лицами был утвержден полковым и дивизионным комитетом и объявлен в приказе¹⁸. Тихонов, очевидно, перестал быть членом полкового комитета, поскольку был выбран командиром эскадрона. А 14 января 1918 года в полку была «открыта запись в социалистическую красную армию»¹⁹. 14 февраля уже нового стиля был выработан план демобилизации полка, которая должна была закончиться после его передислокации в Новгород. Переход предполагалось начать не позднее 23 (10) февраля, при этом не подлежали роспуску те, кто был призван в 1914–1918 годах, «до полного формирования социалистической армии»²⁰. 20 (7) февраля появилась следующая запись:

14 *Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г.* / Под ред. Л.Я. САЕТА. М.: Наука, 1982. С. 30.

15 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 94.

16 Там же. Л. 96.

17 Там же. Л. 98.

18 Там же. Л. 99.

19 Там же. Л. 100.

20 Там же. Л. 102.

«Ввиду обременения полка лошадьми на каждого всадника приходится по три лошади. Полковой к[омите]т, считая, что полк при таких условиях не может встретить немцев с оружием в руках, постановил полку отходить на Верро, Псков, Новгород, где полку давно уже назначена стоянка и отведены квартиры».

Отступление началось 22 февраля 1918 года. В журнальной записи от 24 февраля отмечалось:

«3-й эскадрон, проходивший утром через г. Верро, был обстрелян прибывшим туда неприятельским разъездом и присоединившимися к нему белогвардейцами, во время перестрелки убит командир эскадрона, тов. Тихонов. Стрелковой частью канцелярии уничтожены все дела за 1917 г. и часть за 1916–1918 гг. ввиду невозможности вывезти вследствие перегруженности возов и сильного утомления лошадей»²¹.

Таким образом, в феврале 1918 года сослуживцы считали «товарища Тихонова» погибшим. Сейчас нам хорошо известно, что он не погиб, а прожил еще более 60 лет. Тогда, в хаосе беспорядочного отступления, его вполне могли ошибочно посчитать погибшим. А вот что случилось с ним 24 февраля и в последующие недели, точно сказать нельзя. Маловероятно, что он попал в плен, так как уже в конце марта 1918 года смог опубликовать в «Ниве» свое первое стихотворение. Из плена это было бы сделать весьма затруднительно. Если Николай Тихонов и побывал в германском плену, то очень короткое время, всего несколько дней, после чего бежал. При желании бежать из германского плена в тот момент было несложно из-за крайней малочисленности передовых частей наступавших германских войск, которые не могли эффективно охранять большое число захваченных русских пленных. Но скорее всего Тихонов в плену не был, а отстав от своего полка, примкнул к какой-то другой части, сохранявшей относительный порядок и желание драться с немцами. Таковой был отряд Особой важности (партизанский) имени атамана Пунина штаба Северного фронта под командованием Станислава Булак-Балаховича, реально оказывавший сопротивление немцам, в отличие от подавляющего большинства частей Северного фронта. На его базе был сформирован Лужский партизанский (1-й конный) полк Красной армии, в котором служил Тихонов.

Вероятно, в дальнейшем Тихонов от кого-то из сослуживцев узнал, что его считали погибшим и что основная часть бумаг полка была уничтожена при отступлении. Это обстоятельство должно было помочь ему скрыть при необходимости тот факт, что он был офицером. Даже если чекисты каким-то чу-

21 Там же. Л. 112.

дом смогли бы установить, что Тихонов действительно служил в 20-м драгунском Финляндском полку, и нашли бы журнал боевых действий с упоминанием прапорщика Тихонова, поэт всегда мог бы сказать, что это был другой Тихонов, который погиб в феврале 1918 года. На всякий случай Тихонов путал следы, утверждая, что служил гусаром, а не драгуном – и никогда не переиздавал опубликованные в 1918 году в «Ниве» рассказы «Чудо» и повести «Старатели» из-за их крайне антисоветского и антибольшевистского содержания. Вообще удивительно, как эти тексты пропустила цензура; возможно, именно публикация тихоновской прозы стала одной из причин закрытия журнала «Нива» властями в сентябре 1918-го.

«Чудо» и «Старатели» – один из ранних примеров (а возможно, и самый ранний) фаустианы на тему революции 1917 года. Отец Тихонова, по словам сына, «строгий, суровый человек», который «любил порядок»²², является главным героем рассказа «Чудо». Но там Семен Иванович Клокачев не предприниматель, а чиновник. Тихонов, вероятно, хотел вписать отца в категорию безвинно страдающего «маленького человека» русской литературы, чиновника – от гоголевского Акакия Акакиевича до героев Достоевского и Чехова. Нельзя исключить, что в действительности отец Тихонова все же имел классный чин, будучи награжден им за благотворительность. Однако для подобной благотворительности торговое дело Тихонова-старшего должно было иметь значительный оборот. Впрочем, нельзя исключить, что у Семена Сергеевича Тихонова были и другие активы, кроме магазина париков. И наверняка для изготовления париков он нанимал работников или работниц.

Можно не сомневаться, что к моменту написания рассказа «Чудо», опубликованного 25 мая 1918 года, Семен Тихонов уже умер. В автобиографии 1926 года Тихонов сообщал, что его отец в 1918-м скончался от голода²³. Однако рассказ был написан не позднее начала мая 1918-го, а судя по тексту рассказа, Семен Клокачев стал жертвой толпы, прежде всего революционных матросов и солдат, в январе или феврале 1918 года, вскоре после захвата власти большевиками. Скорее всего в «Чуде» Тихонов изложил обстоятельство смерти отца близко к действительности.

В рассказе самосуд над Семеном Ивановичем Клокачевым, новым Фаустом, происходит по наущению нового Мефистофеля – смуглого человека с черной эспаньолкой. Но Бог перед смертью награждает Клокачева, так и не продавшего душу дьяволу, чудом: он видит неземной свет – смеющееся солнце:

22 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2005. С. 484.

23 «К своему ужасу он почувствовал, как чья-то рука осторожно кладет в его карман какую-то вещь. [...] Рука вернулась обратно в толпу, а в кармане у себя он нащупал чужой, украденный кошелек. И ему стало страшно и стыдно, будто он сам украл» (Там же. С. 54).

«И, когда он в последний раз ужасным напряжением раскрыл глаза, он не увидел уже ни моста, ни толпы, ни матроса с револьвером – ничего, кроме неровного куска белого, белого неба... и на этом клочке неба он увидал чудо... то чудо, какого он не видал всю жизнь: солнце смеялось; широким и громким смехом смеялось холодное, круглое солнце... И его веки бессильно, но благодарно опустились»²⁴.

Судя по всему, Михаил Булгаков внимательно читал «Чудо», когда создавал свою фаустиану – «Мастера и Маргариту». У Тихонова главный герой – человек безгрешный, но не творческий, что в рассказе всячески подчеркивается, – награжден светом. У Булгакова Мастер – творческий гений, хотя и грешный, и он награжден, – но не светом, а покоем. Эпизод же с чужим кошельком, который черт не понятно как подбросил в карман Клокачева²⁵, отразился в том эпизоде «Мастера и Маргариты», где Коровьев дает взятку управдому Никанору Ивановичу Босому увесистой пачкой рублей, которые потом чудесным образом превращаются в доллары, причем «пачка сама вползла к нему в портфель»²⁶. Повесть Тихонова «Старатели» также была наверняка известна Булгакову – оттуда он позаимствовал фамилию Мирцев, которая вплоть до 1938 года рассматривалась в качестве варианта фамилии того персонажа, который в окончательном тексте «Мастера и Маргариты» стал Михаилом Александровичем Берлиозом.

В «Старателях» новым Мефистофелем становится «товарищ Зейман» – председатель полкового комитета драгунского Финляндского полка, по всей видимости, унтер-офицер. С его мысли об оперном Мефистофеле и начинается повесть. «Зейман» (от голландского *Zee-man* – морской человек, мореплаватель) – это самоназвание кадетов и гардемарин Морского кадетского корпуса, выпускники которого именовали себя так всю последующую жизнь. Можно было бы предположить, что Тихонов учился в Морском кадетском корпусе, но туда принимали только потомственных дворян или детей служащих Морского ведомства. Ни тем и ни другим Тихонов не был. А вот на открывшиеся в Петербурге осенью 1913-го Временные курсы юнкеров флота, преобразованные 1 июня 1914 года в Отдельные гардемаринские классы, где не было столь строгих сословных ограничений, он поступить мог²⁷. После начала Первой мировой войны Тихонов мог уйти вольноопределяющимся на фронт и попасть в полк Офицерской кавалерийской школы, который из-за парадной гусарской формы неофициально назы-

24 Он же. *Чудо. Рассказ* // Нива. 1918. № 21. 25 (12) мая. С. 335.

25 Там же. С. 334.

26 Булгаков М.А. «Мой бедный, бедный мастер...»: полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / Сост. и подготовка текста В.И. Лосева. М.: Вагриус, 2006. С. 715.

27 Подсказано историком Андреем Анатольевичем Смирновым, которому приношу искреннюю благодарность.

вали гусарским (о нем см. выше), или сразу же начать службу в 20-м драгунском Финляндском полку.

Окружающие считают Зеймана немцем. Его знание немецкого языка подчеркивается тем фактом, что у него в альбоме стихи на «местном языке», то есть на немецком, на котором говорило и издавало прессу (например широко известную по всей Российской империи «*Rigasche Rundschau*»; в 1915–1917 годах ее пришлось издавать на русском языке) немецкое население Риги. А связь с Мефистофелем подчеркивается внутренним монологом Зеймана, с которого начинается повесть:

«Когда артист играет Мефистофеля, он должен иметь черный плащ, рога и дьявольский хохот, когда священник служит обедню, он должен иметь ризу и важную сосредоточенность в жестах и выражении лица, но, когда председателю полкового комитета, да еще кавалерийского полка, нужно ехать на важное заседание, он трижды обязан иметь френч, хотя бы и с чужого плеча»²⁸.

Зейман уподоблен Мефистофелю, а френч, который он хочет раздобыть во что бы то ни стало, чтобы походить на Керенского, – аналог черного плаща Мефистофеля, с которым ассоциируется и глава Временного правительства.

В «Старателях» Зейман оказывает разрушительное действие на окружающих, разлагает армейскую дисциплину и чуть было не овладевает душой нового Фауста – генерала Растягина:

«И нет границ миру, как нет конца власти Господина мира, и сладко погрузиться в прошедшее, и не страшно будущее... Вот эти поля, леса, облака, дороги – они вернулись к нему... И многое еще вернется – так всегда бывает перед концом... Он не чувствовал так, как сегодня, долгие-долгие годы, а теперь почувствовал близко и беззлобно, точно едет он домой, на хороший, дружный праздник, и ничего не может с ним случиться худого, потому что кто-то, Мудрый, и Чувствующий, и Взвешивающий все, простил ему прежнюю грешную, тяжелую и горькую жизнь, и оттого таким легким стало тело и так горячо сердце, точно молодая кровь вновь брызнула в него, и не нужно глядеть по сторонам и пугаться, и думать – а закрыть глаза, успокоиться и ждать, ждать, ждать... и сквозь закрытые веки чувствовать, как летят поля, леса, мосты, повороты»²⁹.

Только случайность высвобождает Растягина из-под действия чар Зеймана, и новый Фауст, спасая свою душу, кончает с собой – что у Гёте и собирался сделать Фауст перед появлением Мефистофеля. Мирцев же ассоциируется с Валентином. Он единственный из действующих лиц в повести назван не только по фамилии, но и по имени: «Не давай ему, Валька, френча»³⁰.

28 Тихонов Н.С. *Старатели. Повесть недавних дней* // Нива. 1918. № 22. 1 июня (19 мая). С. 348.

29 Там же. № 24. 15 (2) июня. С. 383.

30 Там же. № 22. 1 июня (19 мая). С. 348.

Именно то, что Зейман-Мефистофель заполучил френч – аналог черного плаща, – ведет к несчастью: карательной экспедиции, которая лишь способствует дальнейшему разложению армии. Только ее реальное время – середина (по новому стилю, конец) августа было перенесено писателем на вторую половину июля, чтобы оно попало на время июльской жары. Ведь жара – это один из традиционных признаков присутствия нечистой силы. Соответственно, на конец июля Тихонов сдвинул начало германского наступления на Ригу. В действительности оно началось 19 августа (1 сентября) 1917 года, а разоружение 10-го Сибирского стрелкового полка, в котором участвовали финляндские драгуны, – 28 (15) августа.

Любопытно, что именно на Валентина обращает внимание лирический герой Тихонова в стихотворении «В опере в Риге» (1917):

Надрываясь от страсти нездешней
Посреди обливных куртин,
В этом бархатном мире безгрешном
Меч картонный вертел Валентин³¹.

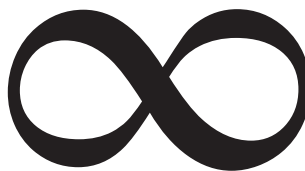
Но поскольку Растягин-Фауст у Тихонова гибнет, то Валентин-Мирцев остается в живых в грешном мире.

Вероятный прототип Зеймана-Мефистофеля – председатель полкового комитета 20-го драгунского Финляндского полка. В журнале военных действий полка (за период с 16 августа 1917 года по 21 апреля 1918 года) в записи от 11 апреля 1918 года в составе ликвидационной комиссии были упомянуты: председатель полкового комитета Олефер, товарищ председателя Томсон, секретарь комитета Перепелкин, командир полка Гагарин и комиссар полка А. Блюм, помощник командира полка по хозяйственной части Фоxt и полковой адъютант Федоров³². Федоров – возможный прототип депутата Искосола Шестова в «Старателях». Олефер же скорее всего был председателем полкового комитета и в августе 1917 года, когда происходило расформирование 10-го Сибирского стрелкового полка. Замечу, что фамилия Олефер, как и фамилия Зейман, может восприниматься как немецкая, хотя в действительности она украинская. Олефер (более распространенный вариант Олефир) – это просторечное сокращение от греческого имени Елевферий. Фамилия Олефер (Олефир) распространена среди украинцев, а также среди поляков – выходцев с Украины. Прототипом Зеймана также мог быть комиссар 20-го драгунского Финляндского полка, носивший немецкую фамилию Блюм.

Новый Фауст, генерал-майор Растягин, имеет два вероятных прототипа. Первый и основной – это генерал-майор Евгений

31 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 81.

32 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 409. Л. 118.

Карцов (1861–1917), который командовал сражавшейся под Ригой 4-й Сибирской стрелковой дивизией с 11 ноября 1915 года и вплоть до своей гибели 24 апреля 1917-го. 15 августа 1916-го он был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени со следующим представлением:

«Со 2-го по 7-е сентября 1915 года, когда немцы, прорвав расположение наших войск, подошли к Молодечно – важному железнодорожному узлу – и уже обстреливали его артиллерийским и ружейным огнем, генерал-майор Карцов, приняв командование всеми частями, подходившими к Молодечно, быстро выработал план обороны, и, благодаря своевременным принятым мерам, отбил все атаки противника, и, перейдя в наступление, обеспечил прочное удержание за собой важного железнодорожного узла – ст. Молодечно»³³.

Согласно распространенной версии, Карцов погиб в июне 1917 года недалеко от Олайне. В мемуарах бывшего командующего 1-й Латышской стрелковой бригады Карла Гоппера утверждается, что «его труп с простреленной головой был найден у железнодорожной насыпи в 100 шагах от штаба дивизии; убийцы найдены не были»³⁴. Вероятно, Тихонов следовал именно этой версии – только заставил своего героя застрелиться самому. В действительности Карцов погиб не в июне, а в апреле и не от пули, а от холодного оружия. Вот как были описаны обстоятельства его смерти в телеграмме-рапорте командира 2-го Сибирского армейского корпуса, генерал-лейтенанта Николая Триковского:

«Военному Министру, Верховному Главнокомандующему, Главкосев и Командарм 12.

В 2 часа 24 апреля командующий 4-й Сибирской стрелковой дивизией, генерал-майор Карцов, был найден чинами комендантской роты дивизии тяжело израненным на болоте в районе Олайского лесничества и школы и по доставлении в приданный дивизии санитарный отряд скончался. Оказалось, что в 23 часа 40 минут генерал-майор Карцов пошел провожать посетивших его помощника начальника 17-го передового отряда Красного Креста и женщину зубного врача и возвращался один обратно по полотну железной дороги. Около 24 часов 30 минут подвергся нападению неизвестных злоумышленников, затащивших его в болото, где ему и нанесены были многочисленные смертельные раны – очевидно, финским ножом. Следствие производится: предполагается убийство с целью грабежа. В районе Олайского лесничества расположено очень много разных учреждений, как то: дружин рабочих, железнодорожных частей, санитарных учреждений и т.п. Подозревать организованное убийство по политическим побуждениям нет пока никаких

33 Карцов Евгений Петрович (www.ria1914.info/index.php/Карцов_Евгений_Петрович).

34 GOPPERS K. *No atmiņu vāceles* // *Latviešu strālnieks*. 1938. № 17. L. 8 (цит. по: Карцов Евгений Петрович).

оснований, тем более, что убийство генерала Карцова совершено во время случайной его прогулки. Во временное командование дивизией и боевым участком вступил начальник штаба дивизии, генерал-майор Соколов. Комкор 2 Сиб. Триковский».

БОРИС СОКОЛОВ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

Генерал-майор Карцов был похоронен в Киеве 5 мая 1917 года, посмертно ему было присвоено звание генерал-лейтенанта³⁵.

Второй вероятный прототип Растягина – это генерал-майор Василий Круглевский (1866–1919?), командовавший 3-й Сибирской стрелковой дивизией с 6 апреля 1917-го и вплоть до ее расформирования в начале 1918 года. В составе этой дивизии находился 10-й Сибирский стрелковый полк. Судьба Круглевского после октябрьской революции до конца не прояснена. По одной из версий, он был расстрелян большевиками в 1919 году. В феврале 1915-го Круглевский получил тяжелое ранение в перестрелке с немцами и потерял левую руку. 30 января 1915-го он был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени. Судя по всему, Василий Круглевский, как и тихоновский Растягин, был храбрым командиром и нередко находился вместе с солдатами на передовой. Растягин в повести – смелый и талантливый генерал:

«Человек, суровый, прямой, называвший вещи своими именами, не боявшийся смерти, строгий до ужаса к подчиненным, – натура, переносившая легко и морозы и жары, три раза контузии и рану в плечо от шрапнельной пули, он втянулся и стал тем боевым генералом, который всегда едет быстро-быстро на замызганном, низком, вскоченном жеребчике в сопровождении высокого адъютанта, обязательно высокого, в противоположность генеральской маленькой фигурке, доезжает до второй линии окопов, слезает с лошади, кряхтя и отплевываясь, и идет в окоп, по колено в грязи, по дороге здороваясь со своими “внучатами”, “ребятками”, “орлами”, как он зовет стрелков, и скуластые лица темнеют благодарной ретивостью, и сквозь здоровые белые зубы сибирских молодцов звучит как-то нагло и громко, громче, чем требует приличие: “здравия желаем”»³⁶.

После прихода Зеймана Растягин заболевает:

«Растягин был бледен, пот струился по его лбу, глаза лихорадочно блестели. “Иван Николаевич, я пойду... извини... Вы тут разбирайтесь одни, а я посижу там. Я пойду, что-то, что-то, знаешь – голова того”, – и он хотел улыбнуться, но жалко сгримасничал»³⁷.

Как и Фауст, Растягин одинок – его жена и сын давно умерли. После революции он, в отличие своего друга и ровесника,

35 Там же.

36 Тихонов Н.С. *Старатели...* № 22. С. 349.

37 Там же. С. 436.

генерала Седлецкого, чувствует себя стариком, хотя ему только 54 года. Присутствие Зеймана делает состояние Растягина еще более болезненным, при том, что Растягин – единственный на совещании у Седлецкого, кто безуспешно выступает против разоружения солдат его дивизии: «Я был у них... и говорил с ними, и они, – голос его сделался еще тише, – и они согласны... Они пошли на позиции... Я сам, я сам видел, вот, господин комиссар!»³⁸ Седлецкий так комментирует состояние Растягина:

«Нужно простить старика... потрясение. Волновался... а тут еще такое, да в его дивизии. Это больно, это его и сломило. Ведь он, знаете, туда ездил... он там перед ними на коленях стоял, Христом Богом просил, заклинал. И пошли они туда, на позиции, поэтому... Тяжело ему – да, да, конечно, – спохватывался он, – и всем сейчас нелегко!»³⁹

Есть в «Старателях» и свой доктор Вагнер. Это командир корпуса, генерал-лейтенант Седлецкий, который благодаря тому, что ладит с комитетами и, как и персонаж Гёте, хорошо умеет произносить речи, в финале повести становится командующим Особой армией. Характерно, что Особая армия названа так только для того, чтобы не называть ее 13-й, какой она должна была бы быть по порядку, так как к моменту ее формирования в 1916 году уже существовали двенадцать русских армий. Как известно, 13 – это число дьявола, и Тихонов неслучайно вручает ее командование тому, кто пользуется покровительством Мефистофеля. Один из прототипов Седлецкого легко высчитывается. Это генерал от инфантерии Станислав Стельницкий (1854–1924), который в 1915–1917 годах командовал 39-м армейским корпусом, входившим, правда, в состав Юго-Западного, а не Северного фронта. 27 (14) сентября 1917 года он принял командование Особой армией Юго-Западного выступления. Его назначили после провала выступления генерала Лавра Корнилова, поскольку он был в хороших отношениях с фронтовым и армейским комитетами. В гражданскую войну Стельницкий служил в армии адмирала Колчака, а впоследствии переехал в Польшу. Он покончил с собой в Белостоке 1 января 1924 года, предварительно застрелив свою молодую жену и ее любовника⁴⁰.

Другим возможным прототипом генерала Седлецкого мог послужить генерал-лейтенант Василий Новицкий (1869–1929), который командовал 2-м Сибирским армейским корпусом с 17 июля 1917 года, а в ноябре 1917-го в течение пятнадцати дней коман-

38 Там же. № 23. С. 364.

39 Там же. С. 366.

40 Ладыгин И., Гончаров Ю. *Зигзаги генеральской судьбы* // Сибирские огни. 2023. № 1 (<https://журнальныймир.рф/content/zigzag-general-skoy-sudby>).

довал 12-й армией. С 1918-го Новицкий служил в Красной армии на преподавательских должностях. Также в качестве одного из прототипов Седлецкого можно представить генерал-лейтенанта Николая Триковского (1864–1926), командовавшего 2-м Сибирским армейским корпусом с 6 апреля по 17 июля 1917 года, как раз тогда, когда был убит начальник входившей в корпус 3-й Сибирской стрелковой дивизии Карцов. С 1918-го Триковский служил в Красной армии. Наконец, также нельзя исключить, что одним из прототипов генерала Седлецкого был генерал от инфантерии Федор Васильев (1858–1923), командовавший 6-м Сибирским армейским корпусом с 26 сентября 1914 года по 9 сентября 1917 года, то есть когда расформировывался 10-й Сибирский стрелковый полк. С 1918-го он также служил в Красной армии.

В роли гётевского Студента выступает искосолец Курганов, инициатор расправы над мятежными сибирскими стрелками. Его вероятным прототипом является комиссар 12-й армии Минц, инициатор расформирования 10-го Сибирского стрелкового полка. К сожалению, до сих пор не выяснено как имя Минца, так и его партийная принадлежность. В разных источниках его называют то меньшевиком, то эсером. Но вполне возможно, что на самом деле Минц был бундовцем, которых было немало в составе Искосола и которые в тот момент занимали оборонческие позиции. Не исключено, что комиссаром 12-й армии был Исаак Минц (1896–1991) – советский историк, автор многотомной «История Великого Октября», академик Академии наук СССР (1956). Он считался членом КПСС с апреля 1917 года, но скорее всего тогда он вступил не в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков), а в Бунд. В 1918–1921 годах различные фракции бундовцев были приняты в ВКП(б), и партийный стаж у их членов исчислялся с момента вступления в Бунд. Год рождения Исаака Минца мы знаем только с его слов, в действительности он мог быть на год или два старше. С 21 марта 1919-го Минц был комиссаром 2-й Украинской советской дивизии Красной армии, а затем – 46-й стрелковой дивизии, в которую она была переформирована. В 1920–1921 годах Исаак Минц являлся комиссаром корпуса Червоного казачества. Конечно, он никогда не писал, что в 1917-м был комиссаром 12-й армии. Но в советское время этот факт мог его только скомпрометировать. Ведь вплоть до октябрьской революции и даже несколько дней после нее Искосол занимал оборонческую и антибольшевистскую позицию. Установление личности комиссара 12-й армии Минца требует дальнейших исследований.

7 марта 1942 года Тихонов и Исаак Минц впервые встретились в советское время. Согласно дневнику Минца, познакомил их Самуил Маршак:

«Николай Тихонов остановился в гостинице “Москва”, № 735. Седой, но с молодым лицом. Резкие черты. Похож на рисунок Гойи. Влюбленно рассказывал о Ленинграде. Говорил, как жители переносят все лишения, сознавая все значение событий. Кажется, никто бы не удивился, если бы увидел на улицах города товарища Кирова, – так все здесь героично»⁴¹.

Если Исаак Минц действительно был комиссаром 12-й армии, он вряд ли мог узнать Тихонова – одного из многих тысяч солдат и офицеров, которых он встречал на митингах. Сам Минц за 25 лет наверняка сильно изменился. Но Тихонов все же мог узнать его, особенно если помнил фамилию. Однако писатель не стал бы признаваться в том, что узнал Минца, так как это напомнило бы о фактах биографии, которые оба тщательно скрывали – участии в разоружении взбунтовавшегося полка.

Тихонов подчеркивает как молодость Курганова (ему 23 года), так и его ораторские способности. Сохранившиеся доклады комиссара 12-й армии Минца очень напоминают речь Курганова. Последний, например, говорит:

«Достоин свободы тот, кто умеет ее отстоять! Мы до сей поры были достойны ее. Правда, виселицы, тюрьмы и сибирские тундры – неважный фон для наших прошлых триумфов, но все же это были триумфы. Социализм – как учение, в жизненности которого сомневаться не приходится, по крайней мере, в настоящий момент, – должен охраняться и распространяться не от верхов к низам, а от низов к верхам, потому что при выборности всех служителей власти низы будут ставить и поддерживать своих людей. Такой властью является настоящее коалиционное правительство... Правда, народ наш, нужно сознаться, недостаточно подготовлен не только к восприятию высших истин свободы, но даже и самых простых форм культуры. Это понятно: забиты, загнаны, темны, как земля, по которой ходят, косматы, как леса, где гробы себе рубят, и не умны во многом; это необходимо сказать прямо: во многом не умны. Сдержанности нет, и сознание отсутствует, чуть что – и пугачевщина! Пропать там глубокая, пропасть здесь еще глубже, а посредине узкая тропочка: этой тропочкой провести Россию – задача этого, как вы сказали, “коллекционного”, правительства и есть. И вы правильно сказали, по-народному, и народ так назовет “коллекционное”, потому что мы действительно коллекцию теперь собираем, коллекцию честных и умных людей. А честный человек в России – штука редкая! Что же касается резкости этой переломной, так только так и можно матушку-Русь на путь истинный вывести. А если раскачивать ее, так еще тысячу лет жди – не дожدهшься, потому что за это время столько еще угодников откроют, да кабаков поставят, да перевешают и в Нарымских песках сгноят»⁴².

41 Минц И.И. «Из памяти выплыли воспоминания...»: дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М.: Собрание, 2007 (<https://prozhito.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B544%5D>).

42 Тихонов Н.С. *Старатели...* № 22. С. 366–367.

С этим суждением соглашается оппортунист Седлецкий, но не Растягин, душой болеющий за солдат и возражающий Курганову:

БОРИС СОКОЛОВ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

«Скажите мне, как же это вы с такими дураками да на такое дело поднялись... Ведь горбатого одна могила исправит... Ведь определенные дураки-то, так как же? Могила им, значит? Не понимаю... Не ясно»⁴³.

А вот что 2 июля 1917 года Минц докладывал военному министру:

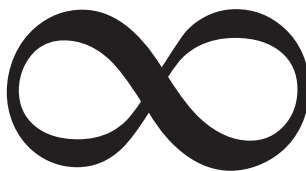
«Настроение в частях неустойчивое. Артиллерийские части и кавалерия к современным событиям относятся вполне сознательно, и за все время пребывания моего в армии не было ни одного случая отказа этих частей от выполнения боевых приказаний командного состава. Бывают случаи, и даже нередкие, конфликтов между комитетами и командирами на почве взаимного непонимания прав и обязанностей командного состава и комитетов по вопросам внутреннего распорядка, но в вопросах боевых конфликтов не происходило.

Что касается пехотных частей, то в последнее время возникают частые недоразумения на почве исполнения боевых приказов: то один полк отказывается выступить из резерва на передовые линии, то дивизия требует вне очереди смены, мотивируя усталостью, то наотрез части отказываются от занятий, боевой подготовки, и постоянно назревают непредвиденные случаи, которые приводят к самым острым выступлениям частей. Много такому шаткому положению пехотных частей способствует: во-первых, в значительной степени непонимание солдатами текущего момента, с другой стороны, бессовестная агитация безответственных лиц, прикрывающихся лозунгами большевизма, который для солдат сводится к определенным положениям: кончать войну, не надо наступления, свержение буржуазного правительства. Эти идеи распространяются в большом количестве «Окопной Правдой», за последнее время принимающей вид погромного листка, латышской газетой «Цина» и целым рядом, несомненно, провокаторов, которых в Риге большое количество и с которыми приходится постоянно бороться. При этом докладе прилагаю несколько номеров «Окопной Правды», из которой ясно, чего добивается газета; она, играя на темных инстинктах усталой массы, жаждущей мира, вносит огромную дезорганизацию в пехотных частях нашей армии»⁴⁴.

Конечно, я далек от мысли, чтобы приписывать известную степень дезорганизации армии исключительно агитации недобросовестных лиц, но лозунги, бросаемые ими, падают на благодатную почву и дают обильные всходы. В связи с наступлением на Южном фронте в частях поднимаются остро вопросы, связанные

43 Там же. С. 368.

44 Тихонов, как видно из повести, к большевистской «Окопной правде» относился крайне негативно – как к орудии разложения армии.

с наступлением, и этот вопрос болезненно разбирается на полковых митингах. Массы солдатские чувствуют, что волна наступления должна дойти до XII армии, и заранее стараются так или иначе отнестись к ней. Некоторые части относятся вполне спокойно к будущему наступлению, но большинство пехотных частей с большой тревогой, чему много способствует Рига, Совет Рижских Рабочих Депутатов, Центральный Комитет Латышской соц.-демократической партии – организации, усвоившие течение большевистское. Эти организации, выставляя принцип как будто идейной борьбы с своими противниками, и в печати, и на собраниях постоянно подчеркивают свое отрицательное отношение к наступлению, Временному Правительству, выдвигая мысль, что наступление ни к чему хорошему не поведет – одним словом, пускают в ход тот же арсенал доводов, который пускается в Петрограде по отношению к гарнизону Петроградскому. Установлено, что часть, побывавшая в резерве некоторое время близко к Риге, немедленно меняет свою физиономию, потому что, не успев расположиться на отдых, сразу являются агитаторы, которые всякими правдами и неправдами стараются привить колеблющейся и несознательной солдатской массе элементы разложения. Искосол принимает все меры борьбы с разными элементами, проникающими в армии, постоянно отправляются в части члены Искосола, но в Исполнительном комитете нет достаточного количества интеллигентных боевых сил, которые могли бы успешно бороться с разложением в частях»⁴⁵.

Минц описывал и положение в 10-м полку 3-й Сибирской дивизии:

«Без суда за оскорбление разжаловали штабс-капитана Яроцкого. [...] 27 июля⁴⁶ 30 человек из 9-й роты вышли брататься с немцами; вечером того же дня рота этого же полка отказалась идти на разведку; в это время остальные три полка выполнили данную им задачу – каждый день в 10-м полку какое-нибудь нарушение; офицерский состав в самом тяжелом положении»⁴⁷.

Прототипом командира драгунского полка, полковника Янычарова, послужил командир 20-го драгунского Финляндского полка, полковник, князь Владимир Гагарин (1877–1948). 1 июля 1917 года в полковом журнале военных действий (за период с 1 июля по 31 августа 1917 года) записано: «Полк принят во всем и на законном основании полковником, князем Гагариным»⁴⁸. Полк в это время находился в корпусном резерве в Майорингофе. Гагарин командовал драгунским Финляндским полком вплоть до его расформирования 21 апреля 1918 года, причём с декабря 1917-го являлся выборным командиром полка.

45 1917. *Разложение армии* / Авт.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. С. 296–298.

46 Поскольку доклад датирован 2 июля, скорее всего здесь опечатка и должно быть 27 июня.

47 1917. *Разложение армии*. С. 298–299.

48 РГВИА. Ф. 3572. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.

Тихонов в автобиографических заметках описал свою беседу с Владимиром Гагариным, которая, по всей вероятности, произошла вскоре после назначения князя командиром Финляндского полка:

БОРИС СОКОЛОВ
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ:
ВОЕННАЯ БИОГРАФИЯ...

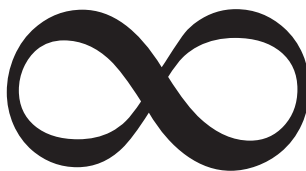
«Встретил 12 ночью... кн. Гагарина. Г. сначала увидел Степанова, подошел к нему и спрашивает, как дела? Потом перешел на меня... И наконец спросил фамилию. Я сказал. “Как, – заулыбался он – Тихонов?! Дайте-ка вас ближе рассмотреть. Про вас здесь чудеса рассказывали”. – “Какого рода, г-н полковник?” – “Да что вы... одной рукой одно пишете, другой другое, а еще о третьем разговариваете. Вы пишете?” – “Пишу” – “А я вас воображал старше себя, с усами, бородой, а вы, оказывается, молодой, жизнерадостный”»⁴⁹.

В дальнейшем Гагарин присоединился к Вооруженным силам Юга России, где с октября 1919 года был командиром Сводно-конного полка 1-й Кавказской конной дивизии. В начале 1920-го он вместе с полком отступил в Грузию, откуда эмигрировал в Париж.

Прототипом начальника кавалерийской дивизии, генерал-майора Исакова, послужил начальник 17-й кавалерийской дивизии, генерал-майор Петр Каньшин (1868 – после 1922). Он занимал этот пост с 22 января по 27 августа 1917 года. 19 ноября 1917-го Каньшин был произведен в генерал-лейтенанты. В 1918–1922 годах служил в Красной армии на штабных должностях, а после выхода в отставку преподавал в Военной академии имени Фрунзе.

В «Старателях», написанных уже после заключения Брестского мира, Тихонов продолжает занимать оборонческую позицию и крайне негативно относится как к деятельности войсковых комитетов, которая способствовала разложению армии, так и к военачальникам вроде генерал-лейтенанта Седлецкого, в карьерных целях стремящихся ладить с комитетами. Он также негативно относится к социалистическим идеям, которые проповедуют Курганов и Камба, что подчеркивается печальной судьбой Камбы, расстрелянного большевиками в Одессе. В то же время он с симпатией изображает офицеров, придерживающихся монархических взглядов и пользующихся любовью солдат, вроде генерала Растягина и подполковника-артиллериста Фугастова. Фамилия последнего не только напоминает о его профессии, но и прочитывается как неполная анаграмма имени Фауст. Можно предположить, что тогда и сам Тихонов был монархистом и во всяком случае стоял гораздо правее «революционных оборонцев» – эсеров и меньшевиков. О взглядах Фугастова в повести сообщается следующее:

49 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 475.

«Следом за ним явился командир артиллерийского дивизиона, подполковник Фугастов, человек, всегда веселый, здоровый, определенно и коротко говоривший о своих политических убеждениях:

– Вот что хотите, то и делайте, а я убежденный монархист! Вот ставьте к первому забору и расстреляйте, а переделать мою шкуру нельзя, в такой родился...

Солдаты любили его за его откровенную грубость, за то, что он пил с ними, называл их свиньями и никогда не трусил»⁵⁰.

В «Чуде» и «Старателях», написанных на революционном материале, можно увидеть исток последующих советских фаустов, прежде всего «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. В тот же – пока еще почти бесцензурный – период были созданы наиболее значительные поэтические произведения Николая Тихонова: сборники «Орда» и «Брага». А «Старатели» и «Чудо» так и остались лучшими образцами тихоновской прозы, но были сознательно «забыты» автором, делавшим советскую карьеру соцреалиста. Точно так же он – весьма успешно – «забыл» и свою военную карьеру времен Первой мировой, революции и гражданской войны.